
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ*

© 2002 Н. А. ФЕНЕНКО, А. А. КРЕТОВ

Воронежский государственный университет

Авторы исходят из положения о том, что развитие теории перевода не может быть успешным вне ее связи с контрастивной лингвистикой, социолингвистикой, психолингвистикой, лингвистикой текста и семиотикой, этнолингвистикой и этнопсихологией, а также теоретической лингвистикой [6, 36; 7, 30].

Перспективно рассмотреть *перевод как канал взаимодействия и взаимовлияния культур и языков*, что в теоретической лингвистике соответствует теме “языковые контакты”. Исследование характера и степени влияния переводов на язык-реципиент может составить новое направление в языкознании.

Перевод – это всегда источник языкового *адстрата*, сколь бы удаленной географически ни была культура, породившая оригинальный текст.

Соответственно, следует разграничить *контактный (интерперсональный) адстрат* – через непосредственное общение людей и *дистантный (интертекстуальный) адстрат* – через посредство текстов.

Другое новое направление исследований может быть связано с темой “язык и действительность”, которая (в первую очередь, в практике перевода, хотя и не только в ней) предстает в виде проблемы “язык и чужая действительность” или “*лингвистическое освоение действительности*”. Богатый материал для подобных исследований, кроме переводов, дает практика таких языков как русский, французский, английский, испанский, португальский, арабский, носителям которых приходилось лингвистически

осваивать совершенно новую и необычную для них природную и социальную действительность.

Представляется, что анализ конкретных материалов целесообразно проводить, исходя из следующих теоретических предпосылок.

1. Существуют реальные артефакты и натурфакты, составляющие среду обитания конкретного социума.

2. Существует культура как идеальный эквивалент среды обитания социума, включающая кроме объективной реальности, описанной в пункте 1, также субъективную реальность, составляющую идеальную среду обитания данного социума. По ощущению достоверности и непреложности для представителей данного социума субъективная реальность ничуть не уступает объективной реальности.

3. Наконец, существует язык, располагающий средствами номинации концептов, описанных в пункте 2 – словами и словосочетаниями.

В связи с очевидной терминологической неопределенностью термина *реалия*, обозначающего и явление внеязыковой *действительности* (предмет) и его *культурный эквивалент* (концепт) и средство номинации этого концепта в *языке* (лексема или фразеосочетание), авторы разработали и реализовали *типологию реалий*: *R-реалии* (от фр. *réalité*), *C-реалии* (от фр. *concept culturel*) и *L-реалии* (от фр. *lexème*), сохранив термин *реалия* в качестве родового [5, 86].

В свете *предложенной типологии реалий* оказалось возможным конкретизировать

---

* Данная статья представляет собой сжатое изложение основной проблематики книги Н.А.Фененко “Язык реалий и реалии языка” [4].

влияние, оказываемое языком оригинала на язык перевода. *R-реалии* расширяют номинативные возможности и денотативное пространство языка перевода, связывая уже имеющиеся в языке слова и значения с новыми явлениями внеязыковой действительности (денотатами). *S-реалии* расширяют концептосферу языка перевода, формируя новые понятия, отсутствовавшие ранее в языке-реципиенте. Наконец, *L-реалии* расширяют словарь языка перевода за счет новых лексем, заимствуемых из языка оригинала – всегда вместе с новым понятием и часто – вместе с новым денотатом (артефактом или натурфактом).

Предпочтительный выбор в тексте перевода типа реалии (R, S или L-реалии) в значительной степени обусловлен жанрово-стилистической спецификой текста. Например, при передаче русских реалий на французский язык французская пресса отдает предпочтение двум основным способам: транскрипции (введению L-реалии во французский словарь) и калькированию (введению S-реалии во французскую концептосферу).

Транскрипция при переводе русских общественно-политических реалий на французский язык редко используется в чистом виде, в большинстве случаев она сопровождается экспликациями, то есть введением дополнительных элементов, частично разъясняющих или уточняющих значение реалии. Ср. “Правда” – *Journal communiste conservatrice Pravda* (“Правда” – коммунистическая газета консервативного толка); “Комсомольская правда” – *La Komsomolskaïa Pravda, journal populaire assez liberal* (“Комсомольская правда” – популярная газета либеральной направленности); Дума – *la Douma, Chambre basse du Parlement russe* (Дума, нижняя палата Парламента России). Чаще транскрипция L-реалий носит последовательный характер, но иногда она может использоваться и в единичном случае (окаزيونально). При этом эффективность раскрытия значения русской реалии для французского читателя зависит от словесного окружения, в которое ее помещает автор текста.

Калькирование L-реалии как прием передачи ее на ПЯ применяется обычно в тех

случаях, когда транскрипция по тем или иным причинам невозможна или нежелательна. Наиболее подходящий после транскрипции путь сохранения содержания и колорита переводимой реалии – создание нового слова (или словосочетания). Такими новыми словами и являются, в первую очередь, кальки (челнок – *homme-navette*, Отечество – Вся Россия – *La Patrie – Toute la Russie*). Необходимо, однако, отметить, что при передаче русских общественно-политических реалий средствами французского языка только контекст позволяет полностью раскрыть значение новых языковых единиц, реализовать разнообразные способы компенсирования их семантической недостаточности.

Сложный случай взаимодействия языков представляет собой передача цветообозначений при переводе, в процессе которого часто используется прием накладывания “своей цветовой картины мира” на “чужую” (например, французской на русскую). В результате осуществляется освоение “чужой” цветовой картины мира средствами своей понятийной системы. Следствием этого может быть неполнота или приблизительность предлагаемых соответствий, которая далеко не всегда компенсируется в ПТ.

При совпадении культурных концептов переводчики используют системные единицы номинации переводящего языка, при их несовпадении – расширяется концептосфера переводящей культуры, и передача новых концептов требует применения или создания новых номинативных единиц. Это преимущественно развернутые сочетания, эксплицирующие значения индивидуально-авторских цветообозначений. Так, в переводах произведений И. Бунина на французский язык можно отметить следующие цветообозначения: гелиотроповый – *lilas profond d'héliotrope*, седой до зелени – *si blancs qu'ils semblaient moisis*, сангвиновый – *rouge sang* и т.п.)

Упрощение же ассоциаций, основанных на синкретизме авторского восприятия действительности, сведение многомерных синестетических впечатлений к одномерным, чаще всего цветовым, чревато утратами в передаче авторского стиля, меньшей, по

сравнению с русским оригиналом, экспрессивностью французского перевода.

Реалии способны выполнять и прагматические функции. Созданию положительного образа страны способствует как отбор сообщаемой информации, так и многочисленные реалии, играющие важную роль в воздействии на устойчивые подсознательные структуры – этностереотипы. Через обогащение фоновых знаний читателей, усвоение и освоение неродной действительности, приближение, “интимизацию” ее средствами родного языка, благодаря которым размывается оппозиция “свое || чужое”, L- и C-реалии способствуют позитивной коррекции стереотипа страны в сознании иностранных читателей.

Новые идеи предлагаются и в связи с *проблемой эквивалентности* текстов оригинала и перевода. Эквивалентность как “достаточная общность содержания” получает в современной науке о переводе статус многоаспектного динамического понятия — *комплексной эквивалентности*, предполагающей реализацию всех ее основных составляющих: *денотативной, коннотативной, жанровой, прагматической, формально-эстетической* [8, 64-65]. Однако, несмотря на эти уточняющие термины, понятие эквивалентности остается по признанию ведущих теоретиков переводоведения, достаточно неопределенным [1, 11].

Полагаем, что перечисленные составляющие комплексной эквивалентности, с одной стороны, нерядоположны, а с другой – явно неравномерно проработаны.

Текст воздействует на человека комплексно. А это значит, что он воздействует не только на сознание (разум), но и на подсознание (чувства) человека. В соответствии с этим *комплексная эквивалентность* должна быть подразделена прежде всего на *экспрессивную эквивалентность*, воспринимаемую сознанием, и *импрессивную эквивалентность*, воспринимаемую подсознанием.

В таком случае к экспрессивной эквивалентности относятся *денотативная, коннотативная, жанровая, прагматическая эквивалентность*, тогда как на долю импрессивной эквивалентности остается разве что довольно неопределенная *формально-эстетическая эквивалентность*.

Авторы считают необходимым поставить *проблему изучения импрессивной эквивалентности* текстов оригинала и перевода, приняв за точку опоры эквивалентность воздействия оригинального и переводного текстов на *подсознание* читателей или слушателей. При этом, в первую очередь, исследованию подлежат ритмико-интонационные (для письменной речи – и графические) параметры оригинала и перевода, а также их фоносемантические и анграмматические характеристики [2].

Наиболее сложной задачей является *перевод прецедентных текстов* – текстов укорененных в культуре и являющихся, так сказать, квинтэссенцией национального духа. К таким текстам относятся, в частности, русские народные сказки.

При переводе фольклорных (и не только фольклорных!) текстов очень важно иметь в виду их специфику. Как и все генетически сакральные, а затем – художественные тексты, они призваны воздействовать не только на разум, но и на подсознание. Стратегия адаптации русской сказки при переводе должна быть направлена и на передачу ее *суггестивных* элементов, что далеко не просто, особенно – при переводе на французский язык.

Например, сказочные формулы, зачины и повторы, присказки и концовки в форме раешника, характерные для русской сказки, не могут быть заимствованы из французских народных сказок, известных по большей части специалистам и не занимающих в культуре Франции места, сопоставимого с местом сказок в русской культуре. Сказки же Ш. Перро нужны языковыми качествами не обладают, поскольку автор фактически “перевел” их на язык “галантной публики” своего времени.

Кроме того, во Франции устный рассказ занимает гораздо более скромное место, чем письменная речь, поэтому словесные “украшения”, типичные для русской сказовой манеры, не свойственны французской традиции.

Наконец, присущий русской сказке ритмообразующий лексический повтор во французском письменном тексте трактуется как стилистический огрех, соответственно, рифмованные фразеологизмы-повторы в пе-

реводе не сохраняются, что делает французскую фразу более короткой и менее ритмичной по сравнению с русской.

Как следствие - *ритм* оригинала в переводе оказывается *нарушенным* (а подчас и *разрушенным*), а при отсутствии *импрессивной эквивалентности* чтение перевода не доставляет двуязычному французскому читателю такого удовольствия, как чтение оригинала.

Процесс *адаптации* фольклорных текстов при переводе является в равной степени социокультурным и лингвистическим, т.е. *лингвокультурным*, поэтому поиск путей достижения *импрессивной эквивалентности* предполагает тесное сотрудничество лингвистов с психолингвистами, психологами и этнографами.

Для каждой новой научной дисциплины важно установить круг проблем, относящихся к ее компетенции. Не является исключением и переводоведение, одной из важнейших проблем которого можно считать *национальный колорит*. Перед переводчиком всегда стоит дилемма: отдать предпочтение общечеловеческому или же подчеркнуть национально-специфическое.

История перевода знает радикальные ответы на поставленный вопрос. Например, широко распространенное в 18-ом веке “склонение или переложение на русские нравы” произведений зарубежных авторов. В таком случае перевод не является средством сближения народов и культур, ибо оказывается монокультурным. Другая крайность – перенасыщение текста экзотизмами и транскрибированными словами - приводит к непрозрачности текста, превращая его в один большой знак инокультурности. И опять перевод не выполняет своей миссии, не сближая, а дистанцируя, противопоставляя друг другу культуры.

Проблема национального колорита сложна и многогранна. Залогом ее успешного решения является не столько скрупулёзное воспроизведение предметного мира (что также немаловажно), сколько проникновение в специфику мировоззрения, в подсознательные глубины национального психотипа.

Еще одной масштабной проблемой, представляющейся авторам чрезвычайно

актуальной, является *рациональная интерпретация смысла* при переводе.

Смысл, являющийся объектом перевода, требует для своей интерпретации обращения к знаниям о мире. При этом кроме интуиции переводчик может обратиться за помощью и к разуму. Само обращение к экстралингвистическим знаниям может быть лингвистически обосновано и в значительной степени формализовано. Через экспликацию сем пресуппозиции и рациональную интерпретацию смысла можно переходить от языковых единиц плана содержания (означаемых) к его речевым единицам – актуальным смыслам. Предлагаемый подход позволяет не только осознанно осуществлять интерпретацию и выявление смысла высказывания. Он позволяет не противопоставлять язык и речь, означаемое и смысл, а переходить от одного к другому через экспликацию механизма их взаимодействия.

Рациональная интерпретация смысла открывает переводоведению двери в компьютерную эру, превращая мечту об интерпретирующем компьютерном переводе в практическую задачу сегодняшнего дня.

Еще одной серьезной проблемой переводоведения является “*слово в иноязычном окружении*”, сложность которой многократно возрастает при переводе – в особенности - с языка окружения на “родной язык” слова. Данная проблема связана с практически неисследованной темой *выбора языковой стратегии билингва*.

Еще более сложной является *художественное использование языковых стратегий билингва*, например, в романе Ф.М. Достоевского “Бесы”, где иноязычные вкрапления обретают философско-идеологическое осмысление: чужой язык есть проявление чужой культуры, чужого и, следовательно, чуждого менталитета в раздвоенной душе человека. Конфликт языков предстает в романе “Бесы” как столкновение двух культур, двух цивилизаций, двух мировоззрений.

Авторы считают необходимым поставить также проблему *компенсации* как центральной категории переводоведения, позволяющей обеспечить экспрессивную и импрессивную эквивалентность исходного и переводного текстов. В соответствии с

предложенным Ф. де Соссюром и принятым современным языкознанием различием внешней и внутренней лингвистики можно говорить о *внешнелингвистической* и *внутрелингвистической* (например, межуровневой) *компенсации*.

Категория компенсации позволяет связать воедино и представить как целостность важнейшие проблемы, понятия и категории переводоведения.

Несмотря на множество серьезнейших препятствий на пути полноценного перевода, он осуществляется и - во все больших масштабах. Объяснением этому парадоксу может служить именно способность языков и культур *компенсировать* недостаточность одной из своих сфер за счет других. *Компенсация* – явление не чисто переводоведческое, не чисто лингвистическое и даже не чисто социальное. Компенсация - общее свойство синергетических (то есть сложных эволюционирующих саморегулирующихся) систем, к каким относятся природа, общество, культура и язык.

Как “истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа” (Н.В.Гоголь), так и перевод должен не пестреть транскрибированными экзотизмами, а быть прозрачным настолько, чтобы можно было разглядеть своеобразие *национального мировоззрения*. Отсутствие в культуре перевода тех или иных реалий (L-реалий, S-реалий или R-реалий) должно компенсироваться не только формально, но и содержательно – культурно-мировоззренческим своеобразием текста. Так, например, главным результатом культурного освоения в России традиций японской классической поэзии явилось постижение ее *содержательных* основ, позволяющее компенсировать принципиальную непередаваемость основ *формальных* [3, 72].

Теория и практика перевода может быть рассмотрена как теория и практика компенсаций: *языковых* – внутриуровневых и межуровневых, полных и частичных, линей-

ных и нелинейных, формальных и содержательных, а также – *внеязыковых*: культурных и социокультурных.

Авторы надеются, что изложенные ими идеи будут способствовать росту интереса к теоретическим и практическим аспектам перевода в его связи с широким спектром наук о человеке и обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комиссаров В.Н. Переводоведение в XX: некоторые итоги // Тетради переводчика. Научно-теоретический сборник / Под ред. проф. С.Ф. Гончаренко. – М.: МГЛУ, 1999, с. 4-20.
2. Кретов А.А. Фененко Н.А. К понятию импрессивной эквивалентности текстов // Перевод: Язык и культура: Материалы международной научной конференции. – Воронеж: ЦЧКИ, 2000, с. 63-64.
3. Орлицкий Ю. Цветы чужого сада / японская миниатюра на русской почве // Ореон: Журнал поэзии. – М.: Издательский дом Русанова. – 1998. - № 2.
4. Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка / Под ред. проф. А.А. Кретова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 140 с.
5. Фененко Н.А., Кретов А.А. Перевод как канал взаимодействия культур и языков (к проблеме языкового освоения “чужой” действительности) // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж: ВГУ, 1999. – Вып. 3. – С. 82-94.
6. Цвиллинг М.Я. Переводоведение как синтез знания // Тетради переводчика. Научно-теоретический сборник / Под ред. проф. С.Ф. Гончаренко. – М.: МГЛУ, 1999, с. 32-37.
7. Швейцер А.Д. Междисциплинарный статус теории перевода // Научно-теоретический сборник / Под ред. проф. С.Ф. Гончаренко. – М.: МГЛУ, 1999, с. 20-31.
8. Lederer M. La traduction d'aujourd'hui. Le modèle interprétatif. – Paris: Honhette, 1994. – 224 p.